

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366

Научная статья

Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа

*Интервью с АЛЕКСЕЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ВОСКРЕСЕНСКИМ,
доктором политических наук, директором Центра комплексного
китаеведения и региональных проектов МГИМО,
главным редактором журнала «Сравнительная политика», профессором
кафедры востоковедения МГИМО МИД России*

Профессор А.Д. Воскресенский — ведущий российский специалист-востоковед, синолог и основатель научной школы мирового комплексного регионоведения. А.Д. Воскресенский закончил историко-филологическое отделение ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова в 1982 г. В последующие годы получил образование в Сингапурском национальном университете (1983 г.), Фуданьском университете (Шанхай) (1986 г.), Пекинском лингвистическом университете (1987 г.), работал приглашенным исследователем во Франции, Великобритании, Нидерландах, Японии и США, защитил кандидатскую и докторскую диссертации в ИДВ РАН (1989 г., 1998 г.) и диссертацию на соискание ученой степени PhD в Манчестерском университете (1997 г.).

В качестве заведующего кафедрой востоковедения МГИМО (1999—2007 гг.) и декана факультета политологии МГИМО (2008—2017 гг.) принимал участие в создании и концептуализации образовательных программ по регионоведению, сравнительной политологии, внешней политике, истории и современным проблемам АТР. Автор более 500 научных работ, среди которых англоязычные книги, опубликованные в ведущих западных издательствах (Cambridge University Press, Palgrave Macmillan, Rowman & Littlefield / Lexington Books и др.). Профессор А.Д. Воскресенский — член редколлегии научных журналов: «Проблемы Дальнего Востока», «Ценности и смыслы», «Вестник РГГУ», «Международные процессы», «Вестник ЗабГУ» и нашего журнала, а также международных журналов «俄罗斯学刊» (Изучение России), «International Journal of Russian Studies».

В своем интервью А.Д. Воскресенский рассказывает об истории становления и преимуществах мирового комплексного регионоведения как современного подхода для анализа международных процессов, о состоянии

© Воскресенский А.Д., Куклин Н.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

научного знания в социальных науках, проводит сравнение ведущих российских научных школ региональных исследований и анализирует положительные и отрицательные стороны методологии западных, незападных и отечественных научных школ. Интервью содержит теоретический анализ и осмысление концептуального содержания научного знания в сфере международных отношений, гуманитарных и социальных наук в целом.

Ключевые слова: мировое комплексное регионоведение, теории международных отношений, политическая регионалистика, незападные теории международных отношений, востоковедение, история, Азия, КНР, США, российские научные школы

Для цитирования: Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 356—366. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366

Research article

World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School

*Interview with ALEXEI D. VOSKRESSENSKI, PhD, Dr. of Sc. (Political Science),
Director of the MGIMO Centre for Comprehensive Chinese Studies
and Regional Projects, Editor-in-Chief and Founder
of the «Comparative Politics Russia» journal,
Professor, the Department of Asian and African Studies, MGIMO University*

Abstract. Professor Alexei D. Voskressenski is a leading Russian expert in Asian Studies, IR and Politics, a famous sinologist and founder of scientific school of World Regional Studies. Alexei D. Voskressenski graduated from MSU Institute of Asian and African Studies in 1982, in the following years continued his education at Singapore National University (1983), Fudan University (1986), Beijing Linguistic University (1987). He worked as a guest researcher in France, Great Britain, the Netherlands, Japan and the USA, defended his PhD and senior doctorate at the RAS Institute of Far Eastern Studies (1989, 1998) and the PhD thesis at the University of Manchester (1997).

As the head of the Department of Asian and African Studies at MGIMO University (1999—2007) and the dean of the MGIMO College of Political Affairs and World Politics (2008—2017), he actively participated in the creation and conceptualization of educational programs in Regional Studies, Comparative Political Science, foreign policy analyses, history and contemporary issues of the Asia-Pacific region. Professor Voskressenski is the author of more than 500 academic works, including books published by Palgrave Macmillan, Rowman & Littlefield / Lexington Books, Cambridge University Press, etc. Professor Voskressenski is a member of the editorial boards of academic peer-reviewed journals: «Problems of the Far East», «Values and Meanings», «RSUH Bulletin», «International Trends», «Transbaikalian State University Journal» and our journal (Vestnik RUDN), and some international journals «俄罗斯学刊» (Russian Studies), «International Journal of Russian Studies».

In the interview, Alexei D. Voskressenski speaks about the history of formation and advantages of the World Regional Studies as a research platform, other approaches in Social Sciences, compares approaches of the leading Russian academic schools of Regional Studies and analyzes the positive and negative aspects of the Western, Non-Western and national academic schools. The interview contains a theoretical analysis and understanding of the conceptual content of scientific knowledge in the field of international relations theory, humanities and social sciences in general.

Key words: World Regional Studies, theories of international relations, regional studies, Non-Western IR, Asian Studies, History, Asia, China, USA, Russian academic schools

For citation: World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School. Interview with Alexei D. Voskressenski, Professor, MGIMO University. (2020). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 356—366. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366

Интервью с А.Д. Воскресенским было проведено в МГИМО МИД России 16 марта 2020 г., за день до перехода университета на дистанционный режим работы.

— Алексей Дмитриевич, какова роль зарубежного регионоведения и востоковедения в современной системе знаний?

— Востоковедение и регионоведение хорошо разработаны как учебные и научные

направления историко-гуманитарного профиля в рамках «отдельных» макрорегиональных отраслей знания («азиатские», «исламские», «центральноазиатские» и другие исследования), где можно искать закономерности, не теряя научности. Примечательно, что Институт востоковедения относится не к Отделению глобальных проблем РАН, а к Отделению историко-филологических наук. Соответственно мы как бы признаем, что, к примеру, «мир ислама» (и шире «Восток», причем не в географическом смысле этого понятия, а скорее в ментальном) не познаваем классической теорией международных отношений (ТМО), а нуждается в ином методологическом инструментарии, который может предоставить востоковедение.

Но «интерпретация» или «конструирование» Востока в целостности в рамках историко-филологической парадигмы методологически затруднительно — невозможно дать своеобразие Востока убедительного структурного объяснения, не привлекая общественные науки. Поэтому в Отделении глобальных проблем РАН тоже есть востоковеды. Мировое комплексное регионоведение решает эту проблему, объясняя и прогнозируя социокультурные процессы «совместно» с их политико-экономической составляющей.

Эта научная школа родилась в МГИМО «на стыке» востоковедения, зарубежного регионоведения, международных отношений, в том числе и ТМО (ее мирополитической части) и политической науки (в части, касающейся специфики незападных политических культур и процессов).

Необходимость концептуализации регионального уровня исследований как фактически самостоятельного, но «увязанного» с другими уровнями в ТМО элегантно и убедительно показали Б. Бузан и О. Уэвер — лидеры британской и скандинавской школ международных отношений — в своей ставшей классической книге [Buzan, Waever 2003]. Они утверждали, что понятие глобального уровня можно понимать как сконструированное, а анализ только на национальном уровне уже не позволяет решать насущные вопросы международных отношений, в том числе

безопасности и развития (теория региональных комплексов безопасности). Публикация книги Б. Бузана и О. Уэвера в издательстве Кембриджского университета в серии книг по ТМО интеллектуально «легализовала» это направление и в нашей стране, дав возможность открывать образовательные программы, а мне и моим ученикам публиковаться в высокорейтинговых отечественных и зарубежных издательствах.

— Как соотносятся региональные исследования с теорией международных отношений?

— ТМО претендует на то, чтобы объяснить все, что происходит в мире. Но теперь только ленивый не говорит, что ТМО — западноцентричная дисциплина, созданная в англосаксонской культурно-исторической традиции, а подавляющая часть кейсов по ТМО разработана на основе истории западных стран и западной проблематики [Turton 2016]. Даже если считать такую точку зрения преувеличением, следует признать, что в ТМО есть очевидные «разломы» и «провалы».

Б. Бузан и О. Уэвер показали, как можно достроить ТМО, «легализовав» региональный уровень, отсекая крайности и концентрируясь на практически выполнимых задачах, и тем самым определили основу для нового направления в рамках международных исследований. Б. Бузан и А. Ачарья [Acharya, Buzan 2010], а еще позже уже один А. Ачарья сумели инициировать мировую дискуссию по поводу путей формирования «глобальной» ТМО [Acharya 2014]. Я тоже в своих англоязычных книгах подключился к этой мировой дискуссии в самом ее начале [Voskressenski 2003].

Однако оценка востребованности национальных достижений ТМО пока не выходит за рамки накопления, осмысления и переосмысления материала. Примечательно, что ТМО в МГИМО поначалу вообще не читалась, а потом преподавалось параллельно две «версии» — М.А. Хрусталева [Антюхина-Московченко, Злобин, Хрусталева 1988] и П.А. Цыганкова [Цыганков 2007], причем одна исходила из практики национально ориентированного политического анализа,

а другая опиралась «на всю интернациональную мощь» прежде всего «западной» ТМО. Такое кажущееся «локальным» содержательное противоречие обострилось, когда в мировой экономике возникли явления кризисного порядка. По сути, это противоречие не преодолено вплоть до сегодняшнего времени: есть, к примеру, две версии учебника по мегатрендам — один под редакцией Т.А. Шапклинной [Мегатренды... 2014], а другой — М.М. Лебедевой [Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке... 2019].

Глобальные проблемы интернациональны, для их понимания и решения достаточно интернационального знания. Понимание региональной и национальной специфики кажется избыточным, но комплексное регионоведение убедительно вскрывает и объясняет не менее важную, имеющую глобальный и универсальный характер проблему взаимосвязанности и сочетания «общего», «универсального» и «специфического», «частного» в реальной жизни, на теоретическом уровне обосновывая механизмы формирования «глокального» как нового феномена современного глобального мира.

Теоретический аппарат «классических» ТМО возможно расширять за счет понятийного аппарата и концепций мирового комплексного регионоведения. Параллельно востоковедение должно стать «востоковедением XXI века» и приобрести комплексный характер, а его методологическая база должна включать не только историко-филологический аппарат, но и научный аппарат общественных наук. Однако при этом встает следующий вопрос: достаточно ли эклектичного сочетания «классического» востоковедения с новыми «дисциплинарными» направлениями — политическим, экономическим, социологическим, но все же с большей ориентацией на цивилизационные (интерпретационные) особенности? Или же возможно сформулировать научные теоретические положения и теории «среднего» уровня, исходя из региональной и макрорегиональной, то есть как бы «усредненной», «универсализированной» специфики? Эта проблема, собственно, и является центральной для мирового комплексного регионоведения.

— **То есть речь идет о том, чтобы дополнить классический подход, как в свое время структурные реалисты попытались придать «научность» политической версии реализма? О своеобразном транзите от «классического востоковедения» к мировому комплексному регионоведению?**

— «Классическое» востоковедение, до этого вымиравшее в условиях форсированной глобализации, к счастью, теперь чувствует себя весьма комфортно в рамках историко-филологического направления. Одновременно постулируемое в качестве необходимого из-за своей практической востребованности «новое востоковедение XXI века», ориентированное на нужное стране решение реальных практических задач мировой политики, международных отношений и экономического развития, никогда не сможет обрести методологической самостоятельности, эта задача невыполнима. А если оно позаимствует теоретическую и методологическую базу мирового комплексного регионоведения, то его «обществоведческая составляющая» полностью сольется с мировым комплексным регионоведением без необходимости отрицания структурной специфики регионов мира.

Важно выявлять на основе реальных тенденций — повышения роли Востока в мировой экономике и мировой политике — закономерности «глокального характера». Так, в «классическом» востоковедении повышение роли Востока часто трактуется как «возвышение», возможность простой «замены» в мировой системе Западом Востоком, полного изменения экономических, культурных и военных «командных позиций» в мире. Тем самым по большей части отрицается возможность Запада трансформироваться так же быстро или даже быстрее, чем Восток. В мировом комплексном регионоведении эти процессы трактуются с точки зрения формулирования как раз теорий «среднего» уровня, то есть комплексного инструментария для решения практических задач (объяснять, сравнивать и прогнозировать).

— **Как вы пришли к созданию теории мирового комплексного регионоведения?**

— После окончания ИСАА МГУ и учебы в ведущих восточных (Сингапурский, Фунданский и Пекинский лингвистический университеты) и западных вузах (New School, Мэрилендский и Манчестерский университеты), работы в ИСАА, ИВ РАН, ИДВ РАН и в разное время в исследовательских институтах и университетах США, Франции, Великобритании, Нидерландов, Японии я вернулся в Россию, работал в Методологическом университете конвертируемого образования (МОНФ) директором, а потом через какое-то время стал заведовать кафедрой востоковедения МГИМО. В центре моего профессионального интереса оказался весь Восток, и даже шире, чем Восток, — Не-Запад в целом, но теперь уже с точки зрения структурно-политических характеристик, которые определялись в том числе историей, культурой и их международно-политическими составляющими. Затем уже в качестве декана факультета политологии МГИМО МИД России я «достраивал» сравнительную политологию, которая была во многих отношениях «западной» дисциплиной, до «глобальной» или «мировой» сравнительной политологии «через» объяснения «незападной» / «восточной» структурной специфики.

Мой интерес подкреплялся объективным усилением структурной роли Востока в мирополитических процессах в контексте «Большой Восточной Азии» и, в частности, в связи с перспективами комплексной трансформации Китая. Я был одним из первых, кто писал об этом одновременно на русском и английском языках, имея многолетний опыт концептуализации китайского и азиатского феноменов в дискуссиях с профессорами европейских, американских, японских и китайских университетов.

В то время на базе порученной мне магистерской программы «Политика и экономика регионов мира» — первой в России магистерской программы по комплексному регионоведению — я стал разрабатывать эту тему в рамках тогда недостаточно развитого направления «Регионоведение». Потом это

направление стало развиваться все более динамично, получило «более конкурентное» название — «зарубежное регионоведение», а затем, в ходе своего развития, стало еще и комплексным, что потребовало создания учебной «мета-дисциплины», которая получила название «мировое комплексное регионоведение».

— **Можно ли выделить специфику других российских школ зарубежного регионоведения?**

— Подход традиционной школы регионоведения ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова состоит в следующем: выпускник должен изучить всю историю и философию страны, знать все архетипы, их эволюцию и поэтому может ментально реконструировать, как мыслит тот или иной народ. Однако подготовленные таким образом в целом очень грамотные специалисты часто избыточно перегружены философскими подходами и историческими реалиями, что делает их погруженными в себя («научными интровертами»). Это важно для гуманитарных и обществоведческих исследований фундаментальной направленности — без этого наука не может развиваться дальше, а также для преподавания дисциплин гуманитарного классического или фундаментального профиля. Однако этот подход не находит одобрения практиков и особенно лиц, принимающих решения, которые ждут простого ответа на самые сложные вопросы здесь и сейчас, и, желательно, со 100-процентно предсказанной вероятностью.

На факультете иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова в регионоведении акцентируется его филологическая составляющая. Ясно, что это только часть комплексного регионоведения, которая не поможет объяснить, к примеру, экономические успехи Китая, который из бедной страны с огромным неграмотным населением превратился во вторую экономику мира, поскольку китайские политики как раз максимально учитывали универсальные закономерности, но преломляли их к специфике своей страны. Кстати, знание китайского языка не гарантирует успехов в бизнесе, науке и т.д., хотя

в некоторых областях отсутствие или присутствие знания языка страны может оказаться критическим условием для успешности / неуспешности проектов.

Подход МГЛУ (координатора Университета Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по зарубежному регионоведению) также состоит в том, чтобы сделать акцент на лингвокультурологию: знание языка и культуры «вокруг» языка. В то же время сегодня в МГЛУ создана кафедра теории регионоведения, которой нет ни в одном вузе страны, в рамках которой формируются свои подходы к пониманию специфики региональных исследований [Макаренко 2019].

Регионоведческий подход РУДН основан на междисциплинарности — сочетании истории, политологии, экономики и права изучаемой страны. В чем-то он близок к тому, что был раньше на «истфиле» (с уклоном в гуманитарное направление подготовки) и на «соцэке» (с упором на социально-экономическую подготовку) в ИСАА МГУ.

— Сколько процентов политологии, истории, экономики, этнопсихологии должно быть в мировом комплексном регионоведении? Можно ли вычислить «идеальную формулу специальности»?

— По комплексному регионоведению небольшим коллективом, с которым я работаю уже много лет, издано 9 книг под заголовком «Мировое комплексное регионоведение», из них 7 — в России [Мировое комплексное регионоведение 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020; Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020; Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике 2018; Практика зарубежного регионоведения 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020], в Китае, а также на английском языке на платформе одного из престижных глобальных издательств, распространяющих свою издательскую продукцию во всех англоязычных странах мира [Is Non-Western Democracy Possible... 2017; Voskressenski 2017; The Regional World Order... 2019], то есть уже более 20 фундаментальных

монографий, научно- и учебно-методических комплексов, учебников и учебных пособий. На подходе еще две книги на китайском и английском языках. В Китае интерес к этому направлению очень велик, поскольку, сформулировав китайскую специфику в целом западной ТМО, китайцы «уперлись» в проблему научной оригинальности. Решить эту проблему в рамках национальной ТМО никому пока не удается, хотя такие попытки были не только в Китае, но и в России / США [Цыганков 2018]. Но дальнейшая национализация ТМО приводит не только к осмыслению проблемы вторичности интеллектуального продукта, но и, к сожалению, к появлению ненаучных теорий типа «четвертой теории» А. Дугина [2009] или гениальной, но не подтвержденной научными данными гуманитарно-интерпретационной теории Л.Н. Гумилева [2019].

Ни о каких «процентах» дисциплин в комплексном регионоведении, естественно, речь не идет и не может идти. Можно говорить только о необходимости стержневой «мета-дисциплины», адаптированной к конкретным потребностям образовательных программ конкретных вузов. Такой образовательный курс «мета-дисциплинарного» характера, основанный на знании научно-синтетического типа, должен сочетаться с сопутствующими и тесно увязанными в соответствии с целями самой образовательной программы обязательными «общими» дисциплинами, а также блоками дисциплин региональной и страновой специализации, которые расширяют, углубляют, объясняют историческими, культурными, кросс-региональными примерами основные положения «мета-дисциплинарного» курса.

Номенклатура этих дисциплин должна пересматриваться в соответствии с изменением характера мировых, региональных и национальных процессов, как и содержание самого «мета-дисциплинарного» курса в зависимости от мировых экономических, социальных, политических изменений. Таким образом в учебном процессе в области региональных исследований можно дать «общее» и «универсальное» знание, но «преломленное»

к регионально-национальному уровню, то есть к конкретным проблемам. Нужно не только учить «теории», но и показать необходимость «теорий среднего уровня», то есть как на практике глобальные закономерности преломляются на региональном уровне и как на этом уровне появляется «сплав» универсализированной локальной специфики, которая может иметь в том числе и мирополитическое значение, то есть «выйти» на глобальный уровень взаимодействия. «Мета-дисциплинарный» курс образовательной части комплексного регионоведения состоит в настоящее время в МГИМО из двух основных частей — «мирового комплексного регионоведения» и «методологии регионального анализа».

— Помимо ваших англоязычных книг, классических работ Луиз Фосетт [Fawcett 1995], Майкла Китинга [Keating 2004] и Руна Фитжара [Fitjar 2009] существует не так много известных в мире книг по теории регионализма. Каких авторов (школы) вы можете порекомендовать нашим читателям?

— Вы назвали авторов по теории регионализма, но регионализм уже не синоним региональных исследований, а только частный случай теорий мирового комплексного регионоведения. Школы комплексного регионоведения (англ. *World Regional Studies*, *Comprehensive Regional Studies*) сложились в ряде стран мира, в том числе в России, Китае, Франции, Японии, Германии и США. Очень интересные наработки на бакалаврском уровне образования есть в некоторых университетах США, в Европе больше успехов на магистерском уровне образования.

Я бы назвал такую цепочку имен: Л. Пай [Pye 1958], Р. Инглхарт [Inglehart 1997], К. Вельцель [Inglehart, Welzel 2005], Б. Бузан, О. Уэвер [Buzan, Waever 2003], а последнее время еще и А. Ачарья [Acharya 2013]. Есть, конечно, и другие, и их теперь достаточно много для целого большого научного направления. Но в западных университетах нет такой жесткой бюрократической номенклатуры направлений, как в российских. Даже

профессиональная научная степень называется PhD — «доктор философии», она дает право преподавать в университетах и проводить самостоятельные научные исследования. Поэтому отклонение научной диссертации может быть только на основе ее несоответствия научным критериям в рамках общих дисциплин (истории, политологии, экономики, социологии и т.д.) и анализа конкретики профильными специалистами. «Внутридисциплинарная» специализация определяется не строгим соответствием «номенклатурным спискам направлений», а решением вполне конкретных специалистов, которые выбираются на основе их подтвержденной индивидуальными научными трудами квалификации.

— Сторонники основных ТМО часто не разделяют страны по особым цивилизационным признакам. Действительно ли мы можем обойтись политикой и экономикой, оценивая Китай, Индонезию, Вьетнам и другие высококонтекстные культуры с самобытным сознанием и мировосприятием?

— Разделять страны по «особым цивилизационным признакам» я бы не стал, хотя говорить о странах, к примеру, «исламского» или «конфуцианского» ареала вполне возможно. Однако степень влияния исламского или, к примеру, конфуцианского наследия в самих странах «конфуцианского ареала» разная: одна — в Китае, другая во Вьетнаме, Сингапуре, Республике Корея и т. д.

Курсы по этнопсихологии политики и бизнеса в ходе обучения по программам комплексного регионоведения читаются. В них есть небольшая теоретическая и достаточно большая практическая компоненты. По этой теме есть и более специализированные работы уже исследовательского уровня (к примеру, по этнокультурной специфике китайской диаспоры в странах Восточной Азии или по проблематике исламского мира), которые готовятся в рамках исследовательских центров не исторической или политологической направленности, а стратегического характера. Они востребованы для ведения международно-региональной деятельности дипломатического

или экономического характера, так как написаны высококвалифицированными страновыми и региональными специалистами, часто определенного этнического происхождения, которое позволяет обобщать этнокультурную проблематику, понимаемую интуитивно с детства, и вписывать ее в глобальный контекст.

— Как учитывается феномен западных подходов развития в мировом комплексном регионоведении?

— Мировое комплексное регионоведение «не вмещается» в прокрустово ложе «правил» «западноцентричной» политологии и глобально западноцентричной ТМО, видящих в Востоке в основном только архаику и экзотику, которых в реальной жизни там становится все меньше и меньше. Западноцентричные политические теории испытывают трудности обоснования и построения на практике со странами Востока взаимовыгодных, равноправных политико-экономических отношений конструктивного типа и стратегического характера.

«Чудо» успешной модели национального развития де-факто уникально, но оно осуществляется на основе как минимум региональных или макрорегиональных рецептов развития и включает в себя концепцию международной кооперации и передачи новых технологий на основе глубоко продуманной политики взаимовыгодного сотрудничества. Пример «больших» стран и успешность китайской модели только подтверждает эти умозаключения.

Преыдушие же попытки выработать «мета-теории» в рамках одного из вариантов западной теории — марксизма — на основе концепции коммунизма как «будущего всего человечества» и «азиатского» способа производства как «отклонения» от строгой стадильности или же в рамках «культурной теории» специфики на основе выявления «генома» Востока не увенчались успехом. Ближе всех подобрался к решению этой проблемы в современных международных исследованиях И. Валлерстайн с его «мир-системным подходом», но и ему не удалось преодолеть

иллюзию возможности создания универсальной модели объяснения всемирно-исторического процесса, поскольку для этого требуется в принципе другой подход [Wallerstein 2004].

Эта проблема не решается тем более в русле «классического» востоковедения, поскольку требует определения «предмета» исследования, который не может быть определен географически или только культурно-исторически со всеми его структурно-историческими / политическими / социокультурными характеристиками. А вот объяснение Востока через понятие Не-Запада, то есть выявление отличных от западного мира структурно-политических и структурно-исторических характеристик других макрорегионов, вполне возможно в том числе и через определение в мировом комплексном регионоведении той его части, которая должна войти в «широко» понимаемую, истинно глобальную ТМО и синтезировать все знания о международных отношениях, чтобы понять и объяснить, как они протекают в реальной жизни.

— Каким образом связаны региональный и глобальный контексты?

— Некоторые специалисты постулируют появление «глобальных регионов» [Лагутина 2015] и функциональных регионов (шире формальных географических границ), однако говорить об этом можно не в прямом их географическом качестве, а пока только как о конструктах ограниченно-конструктивистского характера. Такие регионы испытывают влияние и живут в соответствии с глобальными закономерностями, но в силу этого имеют возможность форматировать макрорегиональный и даже — в ограниченных пределах — глобальный уровень. Это хорошо видно на примере Японии, которой удалось в некоторых культурных областях превратить свой национальный продукт и даже целые бренды в глобальные (к примеру, рестораны), максимально возможно открыв свое национальное к восприятию идущего извне. Сейчас это делает Китай, но уже на грани переформатирования существенной части глобальной

системы в соответствии со своими национальными представлениями. Попытка создания Китаем китаизированной национальной ТМО [Грачиков 2019] как раз из этой области — объяснить свое международное поведение с точки зрения своей национальной школы, но на «понятном» другим «теоретическом» языке.

Китай поставил также цель — сформировать глобальный макрорегион развития из «Большого Китая» по периметру страны в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Это формирует новые связи, экономические и производственные цепочки на пространствах шире, чем границы своего национального государства. В перспективе китайские макрорегиональные проекты могут стать глобальным общественным благом в сфере международного развития, но при условии, что «правом голоса» при принятии решений в них будут обладать все участники, а не только Китай.

Я убежден, что истинно конкурентное и значимое «национальное» может стать неотъемлемой частью «мирового», потому что позволяет на основе собственного оригинального и мирового передового научного знания форматировать в том числе и региональный, и мировой процесс, а не только переформатировать национальное, нередко даже насильственным образом, на основе глобального «универсального», возникшего изначально

в других национальных культурах и, возможно, в иных исторических обстоятельствах.

— Какие основные региональные и трансрегиональные тенденции вы можете назвать? Мир закрывается или становится все более взаимосвязанным?

— Мир становится более взаимосвязанным, в этом нет сомнения, но глобализация идет теперь совсем не так, как она виделась, к примеру, в 1990-х гг., и в этом смысле «западная политология» и «западные ТМО» если не исчерпаны, то уже сильно ограничены в применении на практике, по крайней мере, в «Большой Евразии». Это теперь тоже все осознают. Нет пока только единства в понимании того, каков может быть методологический и теоретический ответ на этот вызов и как оформить это «идеологически». Взаимосвязанность — часть глобализации, но взаимосвязанность и глобализация — это не тождественные явления, даже не явления одного порядка.

Регионализация и трансрегионализация — тоже части глобализации. Они могут сопутствовать, а могут и препятствовать ей. То есть глобализация в действительности — гораздо более сложное и комплексное явление, чем это казалось всем нам в 1990-е гг. Но об этом я уже довольно много написал и собираюсь написать еще.

Интервью провел Куклин Н.С. / Interviewed by N.S. Kuklin

Поступила в редакцию / Received: 24.03.2020

Библиографический список

- Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МГИМО, 1988.
- Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187—200.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2019.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009.
- Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. № 2. С. 16—21. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-16-21
- Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12—33. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039
- Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: учебное пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019.

- Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник* / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Мировое комплексное регионоведение* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020.
- Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний* / под ред. А.Д. Воскресенского. В 2-х т. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность: учебник* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020.
- Практика зарубежного регионоведения и мировой политики* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020.
- Цыганков А.П.* Русская международная теория: три традиции. М: Русайнс, 2018.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007.
- Acharya A.* Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 647—659. DOI: 10.1111/isqu.12171
- Acharya A.* The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Acharya A., Buzan B.* Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. London: Routledge, 2010.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003.
- Fawcett L.* Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Fitjar R.D.* The Rise of Regionalism. Causes of Regional Mobilization in Western Europe. London: Routledge, 2009.
- Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective* / Ed. by A. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017.
- Keating M.* The Political Economy of Regionalism. London and New York: Routledge, 2004.
- Pye L.W.* The Non-Western Political Process // *The Journal of Politics*. 1958. Vol. 20. No. 3. P. 468—486. DOI: 10.1017/s0022381600033739
- The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia* / Ed. by A. Voskressenski, B. Koller B. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019.
- Turton H.* International Relations and American Dominance. Sheffield: Sheffield University Press, 2016.
- Voskressenski A.* Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.
- Voskressenski A.* Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. London: RoutledgeCurzon, 2003.
- Wallerstein I.* World-Systems Analysis. Durham and London: Duke University Press, 2004.

References

- Acharya, A. & Buzan, B. (2010). *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia*. London: Routledge.
- Acharya, A. (2013). *The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region*. Ithaca: Cornell University Press.
- Acharya, A. (2014). Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies. *International Studies Quarterly*, 58 (4), 647—659. DOI: 10.1111/isqu.12171
- Antyukhina-Moskovchenko, V.I., Zlobin, A.A. & Khrustalev, M.A. (1988). *Fundamentals of the Theory of International Relations: A Textbook*. 2nd ed., revised. and add. Moscow: MGIMO Universitet publ. (In Russian).

- Buzan, B. & Waever, O. (2013). *Regions and Powers: the Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dugin, A.G. (2009). *The Fourth Political Theory. Russia and the Political Ideas of the 21st Century*. St. Petersburg: Amphora publ. (In Russian).
- Fawcett, L. (1995). *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Oxford: Oxford University Press.
- Fitjar, R.D. (2009). *The Rise of Regionalism: Causes of Regional Mobilization in Western Europe*. London: Routledge.
- Grachikov, E.N. (2019). Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200. (In Russian).
- Gumilev, L.N. (2019). *Ethnogenesis and Biosphere of the Earth*. Moscow: AST publ. (In Russian).
- Inglehart, R. & Welzel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Keating, M. (2004). *The Political Economy of Regionalism*. London and New York: Routledge.
- Lagutina, M.L. (2015). Global Region as a Unit of World Political System of the XXI Century. *Comparative Politics Russia*, 6 (02), 16—21. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-16-21. (In Russian).
- Lebedeva, M.M (Eds.). (2019). *Megatrends of World Politics and Their Development in the 21st Century*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian).
- Makarenko, V.V. (2019). On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among Other Sciences. *Comparative Politics Russia*, 10 (04), 12—33. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039. (In Russian).
- Pye, L.W. (1958). The Non-Western Political Process. *The Journal of Politics*, 20 (3), 468—486. DOI: 10.1017/s0022381600033739.
- Shakleina, T.A. & Baykov, A.A. (Eds.). (2014). *Megatrends. The Main Trajectories of the World Order Evolution in the 21st Century*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian).
- Tsygankov, A.P. (2018). *Russian International Theory: Three Traditions*. Moscow: RuScience publ. (In Russian).
- Tsygankov, P.A. (2007). *Theory of International Relations*. Moscow: Gardariki publ. (In Russian).
- Turton, H. (2016). *International Relations and American Dominance*. Sheffield: Sheffield University Press.
- Voskressenski, A.D. & Koller, B. (Eds.). (2019). *The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books.
- Voskressenski, A.D. (2003). *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations*. London: RoutledgeCurzon.
- Voskressenski, A.D. (2017a). *Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies*. Springer Global: Palgrave Macmillan.
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020). *Praxis of World Regional Studies and World Politics*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020). *World Regional Studies*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020). *World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: A Course Book*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2017b). *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. Singapore: World Scientific.
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2018). *World Regional Studies in Pedagogical Practice*. In 2 volumes. Moscow: MGIMO Universitet publ. (In Russian).
- Wallerstein, I. (2004). *World-Systems Analysis*. Durham and London: Duke University Press.